

Василий Васильевич (Дунай)

Да во стольнѣм было городи во Киеви
Да у ласково[а] князя у Владимира
Да заводилось пированьицо, был почесьѣн стол
Да про многих царей и про царицей,
Да про всех королей и королевичей,
Да про многих князей и со кнегинами,
Да про сильних про могучих про бога[тырей],
Да про тех же полениць да приудалыя,
Да про многих купьцей-гостей торговыя,
Да про многих хресьянушок прожитосьных,
Да про бедных калик да перехожиа,
Да перехожи калики переброжия.
Перешли калики полѣ чистоѣ,
Переехали калики морѣ синѣѣ —
Дак попадали всё ко князю да ко Владимиру.
Дак ище все на пиру
За дубовы-ти столы да становили,
А как гости-ти чесны за стол сажилесе.
Дак тогда все ведь на пиру тут наедалесе,
А все дак на чесном напивалесе,
Да во хмелю они тогда все приросхвасталис(ь):
Дак богатой сидит — хвастат золотой казной,
А как ведь сильней — могучей хваткой,
А удалой сидит — хвастат в поле выслугой,
А наезничок-от хвастат коничками добрыма,
А ведь как глупой сидит — хвастает родной сестрой,
А неразумной сидит — хвастает молодой женой,
А как хитрой сидит, мудрой — хвастат матерью старой.
Тогда Владимир-князь по грынюшки похаживат,
Он ведь с ножки на ножку переступыват,
Каблучками-то, скобочками в пол пощалкиват,
Могучима он плечами поворачиват,
Он ведь белыма-то руками,
Золотыма он перснями принащалкиват,
А ведь яснома очами за стол посматриват.

Из речей тогда Владимир выговариват:
«Дак ище у мя во городи поженены,
А ведь красны-ти девушки замуж выданы —
Да и все ко Владимир[у] на пир собраны.
Да как один я, князь Владимир, холо[с]той живу,
Холостой я живу, да неженат слыву.
Да не знает ле хто мне боґосужону —
А душу ли — красную ведь девицу:
Да станом бы статна да ростом висока,
А походочка-та была — павлиная,
Ейна тихая речь — да лебединая,
Да ведь я ясны бы очи — как у сокола,
Были черныя брови — как у соболя?..»
Да из того из-за стола из-за окольнёго,
А з-за окольнёго стола да из-за заднёго,
Да из местичка-та было из последнёго,
Да из той было скамейки белодубовой
Да выставаёт дородней доброй молодець,
Да по имени Васильюшко Васильёв сын.
Да выставаёт Василей на резвы ноги,
А ведь сам говорит да таково слово:
«Да уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской!
Ты дозволь мне-ка, Владимир, слово молвити,
Слово молвити, Владимир, речь говорити!
Дак не заставь-ко миня за слово скоро сказнить,
Не казнить миня за слово, не весити,
Не сылать миня во сылочки во дальния,
На цюжу миня на дальнюю стороночку!»
А тогда ведь Владимир слово вымолвил:
«Уж ты ой еси, Васильюшко Васильёв сын!
Говори-тко ты, Василей, што тебе надобно!» —
«Да уж ты ой еси, В[ладимир] ст[ольне-киевской]!
Я ведь знаю тебе ведь боґосужену,
А душу-ту — красную-ту девицу:
А станом она статна и ростом висока,
А ведь личико у ей — да будто белой снег,
А ведь ясныя очи — как у сокола,
Ейны брови черныя — как у соболя,
А походочка у ей была — павлиная,

Ейна тихая речь — да лебединая, —
За тема ведь морями-то за синима,
За тема за горами высокима
У того же царя да Золотой Орды,
З[олотой Орды] у В... Арх...»

*(Зап. А. Д. Григорьевым 2 августа 1901 г.: д. Юрома Юромской вол. — от
Удина Афанасия?, ок. 50 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.